

Великий русский артист

Станиславский о Шаляпине

Но как постигнуть природу и составные элементы творческого самочувствия? Разгадка этой задачи стала «очередным увлечением Станиславского», как выражались мои товарищи. Чего-чего я не перепробовал, чтобы понять секрет. Я наблюдал за собой — так сказать, смотрел себе в душу — как на сцене, во время творчества, так и в жизни. Я следил за другими артистами, когда репетировал с ними новые роли. Я наблюдал за их игрой из зрительного зала, я производил всевозможные опыты как над собой, так и над ними, я мучил их; они сердились, говорили, что я превращаю репетицию в опыты экспериментатора, что артисты не кролики, чтобы на них учиться. И они были правы в своих протестах. Но главным объектом для моих наблюдений продолжали оставаться большие таланты, как наши русские, так и заезжие гастролеры. Раз эти таланты чаще других почти всегда, пребывают на сцене в творческом самочувствии, кого же изучать, как не их? Я это и делал. И вот чему научили меня мои наблюдения над ними.

У всех больших артистов: Дузе, Ермоловой, Федотовой, Савиной, Сальвини, Шаляпина, Росси, — так же, как и у наиболее талантливых артистов Художественного театра, я почувствовал что-то общее, родственное, всем им присущее, чем они напоминали мне друг друга. Что же это за свойство? Я путался в догадках: вопрос казался мне чрезвычайно сложным. На первых порах я лишь подметил на других и на себе самом, что в творческом состоянии большую роль играет телесная свобода, отсутствие всякого мышечного напряжения и полное подчинение всего физического аппарата приказам воли артиста. Благодаря такой дисциплине получается превосходно организованная творческая работа, при которой артист может свободно и беспрепятственно выражать телом то, что чувствует душа.



Оперный певец имеет дело не с одним, а сразу с тремя искусствами, то есть с вокальным, музыкальным и сценическим. В этом заключается, с одной стороны, трудность, а с другой, — преимущество его творческой работы. Трудность — в самом процессе изучения трех искусств, но, раз они восприняты, певец получает такие большие и разнообразные возможности для воздействия на зрителя, каких не имеем мы, драматические артисты. Все три искусства, которыми располагает певец, должны быть слиты между собой и направлены к одной общей цели. Если же одно искусство будет воздействовать на зрителя, а другие — мешать этому воздействию, то результат получится нежелательный. Одно искусство будет уничтожать то, что творит другое.

Этой простой истины, по-видимому, не знает большинство оперных певцов. Многие из них мало интересуются музыкальной стороной своей специальности, что касается сценической части, то они не только не изучают ее, но нередко относятся к ней пренебрежительно, как бы гордясь тем, что они — певцы, а не просто драматические актеры. Однако это не мешает им восхищаться Ф. И. Шаляпиным, который является собой изумительный пример того, как можно слить в себе все

три искусства на сцене.

...Синтез в искусстве, особенно театральном, очень редко кто достигал. Я бы мог назвать одного Шаляпина... Но стремиться к нему необходимо...

...Необходимым условием для оперного артиста, без сомнения, является хорошо поставленный голос, который позволяет ему петь не только гласные, но и согласные. Согласные являются самыми важными, потому что именно они пробиваются через мощь оркестрового сопровождения...

...Мастером декламации является еще Шаляпин, который, может быть, не знает всех точных законов, но гениальной интуицией, однако, находит правильное выражение и достигает этим небывалого сценического воздействия...

...В речи то же самое, что и в пении. Некоторые певцы поют, и вы не понимаете слов. Филирования звука нет. Они поют только одни гласные, а согласные исчезают. Они не знают, что такое «м», «д», все звуки, которыми можно петь. Шаляпин ясно поет: «меня». А некоторые певцы — «еня».

...Предвзвешенное, что нужно непременно лицо показывать зрителю. Спина иногда может быть выразительнее лица. Я всегда привожу два примера из Большого театра.

В театре поет Санчо Панса свою арию. Для того чтобы его все заметили, он бежит по авансцене, а сзади, спиной к зрительному залу, для того, чтобы не мешать, сидит Шаляпин. Он улыбается, я этого не вижу, но мне это так кажется. Потом он начинает петь. Нашел какие-то стихи, потом задумался. Опять стал писать, и весь зрительный зал следил за Шаляпиным, за тем, найдет он рифму или не найдет. А Санчо Панса — старался и только мешал.

А вот сцена из «Хованщины».

Выходит Досифей. Он лезет в свой поповский карман, наклоняется все глубже и глубже. Но вдруг его что-то смутило. Он забыл о том, что он ищет платок, и слушает. Нет, обошлось. Он опять лезет в карман. И вот в течение всей огромной сцены он все доставал платок и никак не мог достать. Это было замечательно.

Посмотрите на руки Шаляпина! Вы никогда не узнаете его кисть. Он «гримирует» кисть, и в каждой роли у него разная рука: то рука его очаровательна, то как грубая лапа. Шаляпин не смотрит свой жест, а чувствует его в каждом движении. У него есть какое-то движение, идущее от тела, где-то оно кончается и возвращается обратно. Если действия логичны, то ничего не нужно подчеркивать. Действуйте ровно столько, сколько это нужно вам. Если же вы стараетесь, то это уже лишнее...

Согласные надо петь, смаковать. Шаляпин допевал каждую согласную. Баттистини также. Бельканто не будет без согласных. Шаляпин поет каждую букву. Шаляпин умел петь на согласных, этим он отличался от других певцов. Мне пришлось много разговаривать с Шаляпиным в Америке. Он утверждал, что можно выделить любое слово из фразы, не теряя при этом необходимых ритмических ударений в пении. Фокус Шаляпина в слове; дикция Патти — перламутровые гласные в золотой оправе согласных. Певец должен научиться говорить. Вы должны читать стихи. Вы должны заниматься художественным чтением, чтобы чувствовать слово.

Вначале Шаляпин пел совершенно так же, как и все оперные певцы поют. Я был свидетелем, когда ему в один прекрасный день Коровин и Серов сказали: «Ты понимаешь, что поешь?» И вот с этого момента он начал думать о дикции и вот в результате дошел до чего. Это потому, что он сам этого искал и сам этого хотел. Музыка с неграмотным словом, с невзвучным голосом — ужасна, и если в слове не звучит голос — то, значит, нет ни оперы, ни музыки. Шаляпин понимал необходимость этого соеди-



нения. Шаляпин пел мне целые оперы, причем он знал всю оркестровку. Нельзя петь одни звуки без слов. Слова должны быть филигранными. Все лучшие певцы итальянской школы в совершенстве владели дикцией. До сих пор не могу забыть знаменитые «мма» у Патти в арии Розины! Певцы хорошо знают гласные, но не знают звучности согласных. Другое дело Шаляпин, который, не обладая силой звука, например, баса Петрова, производил несравненно большее впечатление благодаря звучности фразы.

На снимках: (сверху вниз) Шаляпин — Сусанин, Борис Годунов, Иван Грозный.

Пазовский о Шаляпине

Блестящая, доведенная до виртуозности вокальная техника предоставляла возможность Шаляпину полностью отдаваться вокально-сценическому творчеству. Очень часто певцы, даже хорошие профессионалы, подчиняют мышцы своего лица процессу звукоизвлечения, так сказать — «физиологию пения». Пение «на зевке» или «на улыбке», нередко применяемое безотносительно к тому, что выражает певец, настолько искажает мимику его лица, застывшего в неподвижной гримасе, настолько сковывает мышцы шеи и гортани, что это даже породило мнение, существующее и сейчас, о якобы ограниченных мимических возможностях певца-актера. Шаляпин обладал изумительным умением расслаблять мышцы лица, шеи и гортани до необходимого предела, и в то же время находить опору для пения во всем своем теле, предельно собранном, но не перенапряженном... Естественная шаляпинская манера «петь, как разговаривать» доказала, какие неисчерпаемые возможности таит в себе актерско-сценическое воплощение музыки.

Великий певец, Шаляпин был исключительным мимом, актером. В этом гармоническом синтезе таилась главная, потрясающая по воздействию сила шаляпинского искусства. Само пение Шаляпина было гениальным лицедейством. И это относится не только к его оперным партиям. Каждая мелодия, каждый романс, каждая русская песня, спетая Шаляпиным, представляла собой законченный, полный мысли и чувства звучащий образ.

Трудно представить русское оперное искусство без Шаляпина, чей ослепительный гений оставил неизгладимый след в развитии нашей отечественной и всей мировой музыкальной культуры.

1972